

Время такое — стоишь на ветру,
мимо и горе, и радость.
Котик учёный, скажи дураку —
облако, сон или старость?

Выдохнешь слово — несёшь чепуху —
буквы на тоненьких ножках.
Котик учёный, что там наверху
на разноцветных обложках?

Что ты там видишь, роняя слезу,
солнечный миг рыжехвостый?
Падают звёзды — звезда на звезду,
в тень безучастной берёзы.

Скрипнет на лестнице тёмная мгла —
древняя, в общем, музыка.
Осень сберечь никого не смогла,
ты не в ответе, мурлыка.

Немного меланхолии

Ты спросишь, что я вижу из окна?
Что ночь в прожилках вечности темна,
и пёс скулит уже который час,
а отвернусь — все кончено на раз.

И остаётся только сердца луч
по потолку скользнёт — ленив, тягуч.
И буква, затерявшись между строк,
нет-нет, да и уколет в левый бок.

Вот вся война, вот весь мой жалкий вид,
тот из окна — совсем чуть-чуть болит.
И птица, что вспорхнула в тишине
немного ближе сделается мне.

На полпути

Как странен дождь на полпути зимы
Вот плащ промок до шелковой подкладки.
Волнение птиц. И с краешка волны
Березы тощей мертвенная складка.
Берёшь в прихожей зонт, выходишь без,
Ничем ненужным рук не утруждая.
Для птиц ты человек и волнорез,
Стоишь, как пень от вечера до мая.
И дождь проходит сквозь тебя, как сон,
И сон в тебя втекает постепенно,
А ты не сводишь глаз с колючих крон,
Себя забыв, дурак обыкновенный.

Ты ли?

Будто это птица оглянулась,
сквозь ресницы — свет —тягучий мёд.
Я окликну: «Ты ли, моя юность?» —
Яблоко уронит и вспорхнёт.

Яблоко покатится на блюде.
Яблочный пирог давно готов.
Это ж надо так ей оглянуться!
Что не надо (тише -тише) слов.

Что и так давно мне стало ясно,
если любишь — просто отпусти.
Яблоко упало и погасло.
В средостенье ойкнул новый стих.

Режь пирог, не я ль просила тише?
Тонкой корки аппетитный хруст.
Ветер за окном сады колышет.
Яблоко упало, ну и пусть.

* * *

Истончается осени профиль,
чуть острее и жилистей век,
будем пить свежесваренный кофе
и грустить по опавшей листве.

Будем жить без оглядки на случай,
легковесное время губя,
и смотреть, как червлёная туча
все заметней уходит в себя.

Как прижмётся дитё и заплачет,
в материнский уткнувшись подол.
Просто маленький плачущий мальчик.
Просто детские слёзы с водой.

Просто случай прижаться и слушать,
растревоженный гомон ворон.
Никогда будто не было лучше
изумленных редяющих крон.

Привет. Пока

В тебя давно мне верить глупо
И соль бросать через плечо.
О чём не спит моя разлука?
По сути — больше ни о чём.

С души сорвётся тяжкий камень
И станет просто — всё равно.
Подхватит тоненькое «амэн»
Стеклянный ангел на трюмо.

И станет всё предельно ясно:
Два берега — одна река.
Счастливых нет и нет несчастных.
Привет, пока.

...Смотрю на сад через окошко,
Где вьется дым и мотылёк.
И приبلудилась в рифму кошка.
Не прогоняй. Сама уйдёт.

Когда-нибудь

Когда-нибудь закончатся стихи,
в обычный день — где мокнут лопухи,
в котором дверь веранды нараспашку,
и в щель глядит пытливая ромашка,
а сверху над ромашкой шмель пыхтит.

Как будто лес срубили на дрова —
такая тишь повсюду — трын-трава.
Слова уйдут без права возвратиться.
Что им ромашки, лопухи и птицы,
что им шмеля дурная голова?

Я лягу в тень, я тенью стану, что ж —
не наступи нечаянно, не трожь.
В том дне во сне заблудятся черешни,
и ничего уже не станет прежним.
Вот разве дождь.